

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

НОВЫЙ ВЕКТОР В АРМЯНСКОМ САРОЯНОВЕДЕНИИ

И.В. ПРИОРОВА

Российский новый университет,
Москва,

П.Л. КАРАБУЩЕНКО

Астраханский государственный университет,
И.В. ЛЕБЕДЕВА

Каспийский институт морского и речного транспорта

Великий американский писатель армянского происхождения Уильям Сароян – одна из ключевых фигур в мировой литературе XX века. Диапазон литературного наследия Сарояна простирается от темы о своих истоках и далекой исторической родине до философских проблем современности и антивоенных сюжетов.

Сароян – один из немногих, кто в 1940 году «За лучшую драму» был удостоен престижной литературной Пулитцеровской премии, от которой неожиданно для многих своих современников отказался, кто спустя четыре года «за лучший литературный первоисточник» был награжден главной кинопремией США и, пожалуй, самой известной и весомой кинонаградой мира – «Оскаром».

Признание к писателю пришло сразу же, как только вышел его первый сборник рассказов «The Daring Young Man on the Flying Trapeze» («Отважный молодой человек на летающей трапеции»), – уже в далеком от нас 1934-ом. Кажется, что в наши дни известно о писателе Сарояне все. Но и по сей день в творчестве Сарояна многое все-таки нуждается в исследовании, в том числе вопросы поэтики, формирования стиля и лексического разнообразия – того богатства и вдохновения, соединение которых создает ощущение легкости писательского труда. При ознакомлении читателя с художественными текстами открывается знакомый и в то же время новый угол зрения не только художника слова, но и простого человека – и мы видим простор, особенный и легкий, подобный глотку свежего воздуха, несмотря на затрагиваемые писателем, кровоточащие и ныне, вопросы исторического прошлого...

Таким новым, современным словом в развитии научной мысли армянской американистики и англистики стала монография доктора филологических наук, профессора **Гаяне Раффиевны Гаспарян «Феномен Уильяма Сарояна в контексте мужкультурного дискурса»** (Ереван: Изд.дом Лусабац, 2015. – 278 с.), издание которой приурочено к 100-летней годовщине геноцида армян.

Книгу предваряет отзыв доктора филологических наук, профессора Санкт-Петербургского государственного политехнического университета В.Е. Чернявской, отметившей глубокую и вдумчивую позицию автора монографии о межкультурном и межнациональном дискурсе в творчестве Сарояна. Нельзя не согласиться с тем, что «отдельный текст и его внутритекстовая специфика <...> в монографии фокусирует ключевую роль в художественной коммуникации категории информации, которая обеспечивает структурирование текста и его прагматическую целостность» (С. 5). Действительно, автор монографии сарояновский текст рассматривает с точки зрения ситуативного контекста, актуализирующего контекст экстралингвистический, который и предопределяется внешними и внутренними смыслами, и персонафицирует выбор писателем тех языковых конструкций и лингвистических связей, которые из множества других авторов XX века (как и предшествующих литератур) выделяют сарояновское мастерство и достоинство его текста не только как литературную ценность, но и филологическую.

В монографии Г.Гаспарян, разделенной на четыре главы, раскрывается феноменология произведений американского писателя в «плане выражения» и «плане содержания» созданного У.Сарояном художественного текста, на которые и обращает внимание исследователь, так как благодаря указанным формообразующим приемам выигрывает не только индивидуальный стиль писателя. Это обстоятельство дает основание для исследования особенностей лингвистики текста, о чем пишет Г.Гаспарян и выводит художественное творчество Сарояна в план межкультурного и междисциплинарного дискурсов, каждый из которых определяет особенности основанного Сарояном индивидуального «стиля эпохи» в англоязычной американской литературе. Поэтика сарояновского текста способствует формированию и, безусловно, всеобщему признанию филологической наукой сарояновского направления или школы в мировой литературе. Отметим, что в истории развития мирового литературного процесса такой эстетически значимой, к тому же самостоятельной, «ниши» удостоились лишь избранные авторы.

Художественное произведение как художественный текст также есть комплекс дискурсов-взаимодействий, коммуникативно-направленного сотрудничества (со-производства) автора и читателя. По справедливому мнению Г.Гаспарян, неразрывная связь художественной формы, содержания и своеобразной модели языка способствует признанию в сарояновской прозе особенного миропонимания и мировосприятия, которые достигаются благодаря обращению писателя к так называемому историческому, но более всего, – к генетическому «потoku памяти», из которого возникает своеобразие феноменологического эффекта сарояновского мироощущения и, становясь индивидуальной сущностью его творчества, «приобретает общечеловеческое значение» (С. 35).

В армянском литературоведении сарояновский художественный текст в данном аспекте не рассматривался прежде. Автор монографии, исследуя вопросы художественного восприятия, находит, и это справедливо, что «при формировании художественного образа в читательском сознании первичным для “национального читателя” оказывается эмоционально-интуитивный

уровень восприятия и лишь вторичную позицию занимает логическое постижение авторского стиля» (Там же). И, затрагивая эмотивно-дискурсивный аспект, Г.Гаспарян обращает внимание на важный вопрос, а именно: когда «обратная последовательность имеет процесс художественного восприятия у более широкой аудитории», тем самым сарояновский текст получает «статус так называемого “ненационального читателя”».

Говоря о коммуникативной модели сарояновских текстов, Г.Гаспарян справедливо отмечает, что в основе феномена успеха текстов Сарояна и их рецептивного осмысления лежит не столько формула «автор-читатель», сколько «определенный речетворческий процесс, где исходную позицию занимает художественное произведение и воплощенный в нем авторский стиль, а в качестве заключительного этапа выступает читательское восприятие» (С. 36). Отметим, что достигнутое «взаимопонимание» между автором и читателем связано с читательским восприятием той нормы и системы социологических и культурологических форм и правил жизни, о которых писатель ненавязчиво повествует. Именно они в изображаемой действительности служат основой восприятия и национального, в том числе армянского, и американского персонифицированного образа, создающего у читателя ассоциативные ряды (напр., Андраник-Арам-христианский мир-Моисей и т.д.), задуманные и закодированные автором и в заглавии, и в самом тексте. Г.Гаспарян отмечает: «Необходим так называемый уровень соучастия, то есть желание прочитать текст до конца и затем ретроспективно осознать заложенную в заголовке информацию» (С. 145).

Сароян не заимствует сюжеты, не управляет сознанием читателя и не приспособливает своих героев к складывающимся жизненным коллизиям – он передает необходимый импульс от себя к читателю и возникает полнота изображения картины мира произведения и, таким образом, о генетической боли одного народа становится известно другим национальным группам, многие из которых в своем сознании также несут бремя своего несправедливого исторического прошлого. Так, по справедливому мнению исследователя, решается Сарояном «проблема локальной и глобальной связности текста через национально-когнитивный фон, также обеспечивающий категории текстуальности и интертекстуальности через ретроспекцию и проспекцию» (С. 143-144).

Говоря о проблеме «кодирования»-«декодирования», Г.Гаспарян обращается к подразумеваемым Сарояном реальным страницам армянской национальной истории, на которых выстраивается сюжет его произведений фактически. Действительно, Сароян вплетает во внутритекстовые пределы текста эпизоды истории. Г.Гаспарян приводит весьма значимые для толкования сарояновского текста отрывки, которые способствуют извлечению при чтении закодированной писателем информации – подтексты. Исследователь справедливо отмечает, что писатель, как бы намеренно, вместе с читателем мысленно переселяет его, читателя, за пределы привычного, в том числе и для самого Сарояна, места жительства в США.

Г.Гаспарян обращает внимание на языковые средства, которые зачастую «информируют» о «чужой» англоязычному читателю действительности, тем

самым как бы обнажается процесс вживания персонажа в новую и в то же время знакомую для него социальную среду. Нельзя не согласиться с автором монографии в том, что сарояновские подтексты, переплетаясь, дают фактографическую информацию, переходящую «в концептуальную, имплицитно закодированную для стороннего читателя и вполне эксплицитную для читателя-армянина» (С. 149). Вероятно, отсюда и общечеловеческий масштаб видения затронутых Сарояном тем. Г.Гаспарян приводит значительные и многочисленные примеры из сарояновского текста на языке оригинала, в которых ярко выражены актуализирующиеся при семантическом анализе разные части речи, слова и номинации, подразумеваемый писателем универсализм: *Antranik, Armenia, dream, glorious, was lost, new, helpless* и мн.др., которые, как пишет Гаспарян, передают информацию в русле развития исторических страниц, что, безусловно, обусловлено писательской концепцией реализма.

Гаспарян обращается также к переводным сарояновским текстам и, пожалуй, впервые, к тому же весьма удачно, использует трилингвальный (английский-армянский-русский) метод анализа сарояновского текста. Говоря о концептах («свой», «родной», «близкий» и т.п.) и их структурировании в тексте, следует подчеркнуть, что армянский исследователь справедливо отмечает не только «когнитивную базу» этих концептов, определяющихся «совокупностью таких концептов», но и выделяет универсальную «концептосферу в подобного рода коммуникативных взаимоотношениях» не зависимо от их качества, когда в каждом «конкретном случае» текст или эпизод приобретает весьма своеобразное свойство так называемой матрицы – «качество национальной (армянская субстанция) или социальной (“плави́льный тигель”) перекодировки» (С. 203).

Для того, чтобы приблизить читателя к межкультурному дискурсу, которым насыщены сарояновские тексты, следует обратить внимание на выделенный Г.Гаспарян социогуманитарный аспект творчества писателя. В организации лингвистических (и нелингвистических) особенностей сарояновского текста заложены не только определенные принципы репрезентации, представления образа, но и, в свойственной Сарояну писательской манере, классифицируются две, даже три реальности – историческое прошлое, реальное настоящее (если говорить о событиях, связанных с основными персонажами его произведений) и продолжающееся (прошлое-настоящее-будущее) время. Последнее «декодирование» времени художественных событий зависит от времени ознакомления читателя с сарояновским текстом. И для объяснения причин формирования и развития межкультурного дискурса у Сарояна, обратимся к весьма значимому, на наш взгляд, предположению Г.Гаспарян. Она пишет: «В межкультурном пространстве, существующем вокруг произведений У.Сарояна, четко выделяются два типа адресата-переводчика: переводчик-армянин и переводчик-неармянин – и по меньшей мере три типа адресата-читателя. Это прежде всего первый читатель У.Сарояна – адресат-американец, носитель языка, на котором написано произведение, и частично носитель культуры, в пределах и под влиянием которой создано данное произведение, но не носитель ментально-культурного кода народа, который представляет сам автор. Следующим по нисходящей оказывается адресат-армянин – не носитель языка и той культуры,

в пределах и под влиянием которой создано данное произведение, однако носитель общих с автором культурных концептов и этнического менталитета. Хотя здесь может быть также и читатель-армянин, житель США, находящийся с автором в одинаковых социально-культурных условиях. И, наконец, третий тип читателя – это адресат-неамериканец-неармянин, т.е. представитель любой другой национальности, не владеющий английским и тем культурно-этническим кодом, который мог бы облегчить осознание и осмысление воплощенного в тексте произведения мира, воспринятого, реконструированного и репродуцированного его автором» (С. 207-208).

В конце своего исследования Г.Гаспарян обобщает, что сарояновский стиль, язык произведения и речь его героев необходимо рассматривать в «контексте межкультурного дискурса», так как единение разных концептов составляют «уникальную картину мира», присущую только Сарояну, что подтверждается в признании писателя: «Слова, употребляемые мною, - английские, среда, о которой я пишу, - американская, однако та душа, которая вынуждает меня писать, - армянская» (С. 250). Действительно, «феномен У.Сарояна проявляется именно в межкультурном пространстве» (Там же). Язык произведений Сарояна представляет «совокупность всех признаков концептуализации мира, отражающего опыт и дух двух народов, которые в полной мере можно определить как детерминанты межкультурного дискурса» (Там же). Г.Гаспарян с учетом антропоцентрического подхода в методике своего исследования приходит к справедливому выводу, что лишь использование возможностей «комплексного, разноуровневого анализа индивидуального стиля писателя позволяет увидеть за текстом реальную языковую личность», преобразовывающуюся в «стиль языковой личности» (Там же) и дающая представление не только о языковом сознании и языковой личности писателя Сарояна, но и специфике языковой дуалистичности, определяющейся как «стиль его творческого наследия», в котором соединился «сплав двух начал – процессов, происходящих в окружающей его социальной среде (американский компонент) и не зависящих от него условий существования (армянский компонент)» (251). Именно такой «сплав» культур, языковой картины мира, разнорасовых и разнорасовых концептов позволяет говорить об особенностях коммуникативной модели мира в произведениях Сарояна, феномене интердискурсивности в интерпретации сарояновского текста в контексте межкультурного и, шире, межкультурологического дискурсов. Следует поздравить автора монографии с выходом книги, наблюдения которой стали новой страницей в сарояноведении, не только в армянском, но, шире, мировом, а выводы ученого представляют большой интерес для специалистов-гуманитариев в практической сфере деятельности.